

Перестройка и императивы XXI века

Дата – оселок совести и смысла нации

11 марта 2010 года. 25 лет назад в этот день Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Горбачев. Точка в мировой истории, с которой на глобальный ролик планеты начала наматываться совсем другая лента.

Дмитрий Муратов, главный редактор «Новой газеты», едва ли не единственный из крупных талантливых журналистов подлинно свободный, предложил Горбачеву провести вечер в ресторане на Поварской с людьми, которых он захочет позвать.

Позвал 9 человек. Пришли, кроме самого инициатора, зам директора одного из академических институтов; бывший политик времен перестройки; два сотрудника Горбачев-Фонда; бизнесмен и его сестра (она же – журналист в «Новой газете»); два бывших работника ЦК.

Поговорили, повспоминали, произнесли тосты. Всё!

Главные СМИ (не считая пошлого «документального» фильма в ночь на 12-ое о том, как Горбачев «оказался» у власти) отреагировали лишь на третьи сутки. Прилично – Брилев в НТВ; Дм.Киселев (через неделю) с оглядкой на модную неприязнь к Горбачеву; Ревенко в воскресных Итогах по 2-ому каналу, объективно и серьезно. «Независимая газета» в рубрике «Имена и даты», где напоминают о важных событиях данного календарного дня на протяжении всемирной истории, перечислила: изобретение ткани из тростника, появление фонографа, день рождения балетмейстера Петипа, введение Николаем I мундиров для чиновников и т.п. Места для 11 марта 1985 года не нашлось.

Сам редактор Ремчуков взял у Горбачева большое интервью и поместил его в приложении «НГ» - «Политика» (6.IV.10). В этом же приложении, а потом за 20.IV напечатаны клеветнические статьи Гдяна и Иванова (самые одиозные фигуры времен перестройки), злобное безграмотное интервью ГКЧП'иста Язова; привычно капризные и хвастливые объяснения Рыжкова (концы с концами у него не сходятся: он вроде зачинатель экономической

^{х)} В Проекте использованы материалы конференции, круглых столов, других обсуждений, состоявшихся по случаю 25-летия Перестройки, а также посвященные ей книжные и журнальные публикации последних лет.

реформы, но номенклатура и не думала ее осуществлять, тем не менее, политическую реформу – против засилья номенклатуры! – Николай Иванович считает ошибкой). Рядом – политическая клоунада Коротича, робкие реверансы в адрес Горбачева еще двух авторов, а также рейтинговые выкладки, долженствующие унижить Горбачева. Опубликованы во втором Приложении большие интервью Кравчука и Шушкевича, «распустившие» вместе с Ельциным СССР. Один, украинец, бывший штатный партийный идеолог, воспользовался перестройкой, чтобы явить собой националиста, впрочем, рационального, не фанатика. Другой – случайно оказавшемся во главе государства, но начисто лишенный государственного смысла, белорусский русофоб, что встречается крайне редко.

Потом в течение апреля-мая в приложении НГ «Политика» (6.IV, 20.IV, 18.V) опубликовала обширные статьи и интервью с разными деятелями периода перестройки – от самого Горбачева, ГКЧП'иста маршала Язова и премьера Рыжкова, Лигачева и самых одиозных фигур того времени Гдяна и Иванова до Бурбулиса и Гаврилы Попова.^{x)}

Спустя почти месяц после даты Виталий Третьяков дважды приглашал Горбачева на свою ТВ - «Что делать?». Среди четверых участников были два профессора. Суждения их были – на уровне пошлой обывательщины. Один сожалел, что не нашелся человек - «лидер», который «отодвинул» бы Горбачева и повел бы перестройку «как надо». Другой настаивал на том, что надо было устроить московский Тяньаньмэнь, и тогда у нас было бы – как сейчас у китайцев.

Пока такие ученые будут преподавать в наших университетах, ждать правильной оценки перестройки придется долго.

Апрельский Пленум 45 года отметила «Комсомольская правда» несколькими репликами, впрочем доброжелательными (некая Лариса Кафган, Л.Млечин, Ал.Митрофанов, Ст.Радкевич).

Все это вместе (за вычетом в данном случае публичных выступлений самого Горбачева и мероприятий, проведенных Горбачев-Фондом) свидетельствует, что «освоение» перестройки, спустя 20 лет, идет лишь на уровне мемуарологистики и журналистики. Научный анализ появляется лишь в журналах, доступных едва ли десяткам читателей. А насколько он важен, такой анализ, показывает хотя бы помещенная в НГ - «Политики» (20.IV.10) статья ученого – Бажанова о том, почему в СССР невозможен был «китайский путь».

^{x)} Всего 17 авторов: Горбачев, Афанасьев, Абалкин, Гдян, Иванов, Язов, Рыжков, Шмелев, Бакагин,

Словом, четвертьвековой юбилей перестройки был замечен, но отмечен недостойно. То, что 21 апреля «Российская газета» - все-таки официально соблаговолила опубликовать статью самого Горбачева о 25-летию, не снимает проблемы.

Высшая власть в лице тандема не отреагировала никак, хотя не будь перестройки, никого из их двоих не было на таких постах. Так же как и Собчака, 10-летие смерти которого они оба торжественно публично отметили за пару недель до того, а СМИ несколько дней захлебывались в похвалах этому действительно крупному деятелю перестройки.

«Логика» в таком поведении можно только в российской истории, у которой принято если не уничтожить предшественника, то затоптать. Или тоже хорошо знакомое: чего наверху не признают, того вроде бы не было. Нынешней власти, заметил Ремчуков, почему-то «неуютно» помнить перестройку. Горьковский Клим Самчин, как известно, отгонял память о «неуютном» фразой полицейского, вошедшей потом в фольклор: «Да был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было».

Пока это так, наши сервильные СМИ будут метаться в привычном для России диапазоне между правдой и ложью. Так же, как они делали, пока президент РФ не осудил твердо, окончательно и официально Сталина и сталинизм.

Тем более важно, чтобы не только живые свидетели, способные честно напомнить о прошлом, но и серьезная, настоящая наука включилась в анализ великого периода в нашей истории, которому положило начало 11 марта 1985 года.

Разрыв между научным, объективным знанием о перестройке и общественным мнением о ней в журналистском изображении продолжает расширяться – в пользу, увы! обывательски вульгарного вектора в этом последнем.

Сужение этого разрыва, его ликвидации служат проекты в Горбачев-Фонде. В том числе и данный - под таким именно названием. Ибо Перестройка несла в себе достойное человека будущее и для страны, и для цивилизации вообще.

Пролог

О каких императивах для ближайшего будущего могла идти речь тогда, в середине 80-х годов? О каких императивах XXI века, при тогдашних представлениях о них, должен был задумываться политик, возглавивший великое государство?

Для своей страны, для СССР, – о выводе ее на путь эффективного развития, т.е. самодвижения в режиме и с учетом начинавшейся глобализации. Об элементарной и обязательной для цивилизованного современного общества гражданской свободе, о раскрепощении творческих, инициативных качеств в людях, о формировании у них чувства хозяина в своем государстве. Словом, чтобы жизнь советского человека стала легче и свободнее.

Грядущий тогда век обещал новый рывок в научно-техническом прогрессе, новое качество материального обустройства общества. Советское руководство, пришедшее к власти в 1985 году, это понимало. Именно поэтому начинало с «ускорения» при упоре на развитие машиностроения, которому назначалась роль локомотива всего остального.

Императивом для страны, учитывая ее историю и положение в XX веке после Великой революции, было сохранение в качестве державы, влияющей на ход мировых событий. Но на новых основаниях и по другим критериям, которые не вызывали бы отчуждения и не вели бы к изоляции от большей части мира.

Отсюда и другой императив – преодоление острейшего кризиса мировой политики через прекращение конфронтации, «холодной войны», разорительной гонки ядерных вооружений, налаживание «мирной» системы международных отношений.

Значит, речь должна была идти об их регулировании на основе честного межгосударственного диалога и взаимного учета (баланса) интересов. О прекращении или предотвращении наиболее опасных и чреватых общими угрозами межнациональных, этнических и религиозных конфликтов.

Располагала ли страна потенциалом для такого подхода к ближайшим и перспективным задачам и, прежде всего, – для радикальных перемен в своей экономике и вообще в образе жизни? Объективно – да. Крутой поворот по масштабам 1917-21 года был невозможен. Поэтому даже в голову поначалу не приходило менять строй. Поэтому же и возникло (не сразу) понятие «перестройка». Не «строительство» заново общества, а его постепенное преобразование при сохранении всего, что можно использовать, создавая другие правила и условия общественной жизни.

Конечно, вначале не были видны в их настоящих размерах проблемы, которые стали камнем преткновения перестройки и, в конце концов, помешали ее продолжить. Нужно было «разбудить общество», нужен был «рывок». Поэтому демократизации был придан – через гласность – темп, опережающий социально-экономические реформы. А она вскоре породила потребность рассчитаться с прошлым. Но стихия разоблачений и самобичевания поставила под сомнение легитимность власти и подрывала управление страной.

Тем не менее, начатое весной 1985 года нельзя считать неоправданным риском. Было на что рассчитывать: сплоченное руководство, согласное на перемены; официальный авторитет высшей власти (прежде всего – партийной); нормализованная дисциплина – служебная, трудовая (при всех огрехах и слабостях); устоявшиеся правила житейской морали. И, конечно, огромный «физически» мощный хозяйственный организм, привыкший к командам, особенно - сверху.

Что касается этого последнего, плохо представляли себе его действительное состояние: самообман, самообольщение, хвастовство приобрели черты «национально-советской» психологии. Олицетворявшая «всепобеждающее учение» идеология, сквозь которую смотрели на экономику, помогала скрывать ее реальное состояние – даже от тех, кто имел возможность его знать. А сама она - идеология, как таковая - давно уже стала иррациональной частью сознания, чем-то вроде показной религиозности у воцерковных людей. Ее догматика неплохо служила в руках власти духовному порабощению общества, была орудием репрессивным.

Так или иначе, но **начать** можно было, а главное – терпеть уже было политически опасно, стыдно и безнравственно. К переменам взывал здравый смысл, диктовало и чувство ответственности за страну, которое, вопреки всем последующим наветам, присутствовало у людей, пришедших тогда к власти.

И надо сказать, что эти люди начали действовать не с бухты-баракты. Об этом Горбачев не раз и не два говорил и писал. Он сам и члены Политбюро стремились лично увидеть ситуацию, ездили по городам и селам, встречались с разными людьми. В выступлении при открытии юбилейной (к 25-летию перестройки) конференции Горбачев вновь упомянул знаменитую фразу Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Положившая начало **гласности** (что означало и обратную связь с народом) поездка Горбачева в Ленинград всколыхнула страну. Горбачев «увидел», насколько люди заждались перемен. «Народ» приветствовал его намерения, его новый «стиль» общения – через голову номенклатурщиков,

засидевшихся по 15-20 лет на своих местах. Он услышал зов: Давайте, давайте, мы пойдем за Вами!

Однако года через полтора-два стал виден и нарастающий разрыв между провозглашенными преобразовательными идеями и неспособностью, даже саботажем со стороны тех, кто новую политику должен был бы проводить в жизнь.

Потребовались два ключевых пленума ЦК: январский 1987 года по кадрам и июньский в этом же году по экономике. Они положили начало собственно реформированию общества. Горбачев так и считает: перестройка, заявил он, фактически началась в 1987 году. С этим можно согласиться, но с оговоркой: перестроечная атмосфера - психологически, интеллектуально, в смысле раскрепощения мозгов и изменения отношений между «низами и верхами» (стало можно не только критиковать власть, но даже разоблачать ее бонз) возникла в обществе гораздо раньше.

Гораздо большие возможности для нового курса имелись на внешнеполитическом поле. От СССР в решающей степени зависело – продолжать или прекратить конфронтацию с Западом. Ведь именно наличие по сути экспансионистского элемента в советской государственной идеологии («неизбежность победы коммунизма во всем мире») было главным источником «холодной войны».

Поворот к деидеологизации межгосударственных отношений открыл путь к устранению из мирового сообщества именно той конфронтации, которая лежала в основе холодной войны.

И, как оказалось, это сделать было легче, чем существенно реформировать советскую систему.

Выход из холодной войны сталкивал страну напрямую и с другими вызовами и императивами XXI века. Реагирование на них возникало по ходу развертывания политики перестройки – внутренней и внешней.

Конкретно и подробнее

Перестройка – это принципиально новое соотношение внутренней и внешней политики, состояния страны и ее международного положения, такая степень их взаимообусловленности, которая редко встречалась в истории. Перестройка с самого начала поставила себя в контекст всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости в мире. Это – главная и определяющая идея в перестроечном «новом мышлении». Она же, по сути – иносказание и предвосхищение глобализации XXI века.

Отсюда и **императивы** для новой политики.

1. **Первый.** Прежде всего, надо было справиться с отставанием на главном направлении, по которому уже двинулась передовая часть мира, быстро осваивавшая очередную волну НТР. Отсюда курс «ускорения». Хотя и идеологизированный, он по замыслу был правильный – перевооружение производства на базе новейших научно-технических достижений.

Другая экономика нужна была стране не только для того, чтобы покончить с унижительной бедностью народа, а и для того, чтобы войти в общий поток мирового хозяйства, уже вышедшего на принципиально новый этап своего развития. И занять там достойное великой нации место. Иначе говоря, другая экономика нужна была не только для того, чтобы через включение в общемировой хозяйственный процесс качественно улучшить жизнь населения, но и в конечном счете - **для спасения страны.** Это не сразу было осознано, но предпринятые усилия фактически содержали в себе именно такое понимание.

Поиск такой экономики под руководством Горбачева вели совсем не глупые люди, образованные и знающие внешний мир – ученые и практики-хозяйственники. Хотя и выросшие в атмосфере советско-социалистических ценностей (что не могло не сказываться на их разработках, предложениях и действиях), они шли «в правильном направлении».

И если собрать и отшелушить от идеологических плевел все, что было наработано для экономического пленума ЦК летом 87 года, на многочисленных экономических совещаниях, при подготовке различных постановлений и законов (о предприятии, о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности, о формах собственности, о банках и денежном обращении и т.д.), если выбрать наиболее ценное в предложениях комиссии Шаталина – Петракова – Явлинского, в программе «500 дней» и даже в группе Абалкина при премьер-министре Рыжкове, если учесть, что заложено было в проекте Межреспубликанского экономического соглашения 91 года, словом, если обобщить все здоровое и дельное, накопленное экономической мыслью и пропущенное через дискуссии за 4 года, а потом лапидарно сформулировано в послании Президента СССР к главам «большой семерки», то получим в итоге **модель** жизнеспособную, перспективную. Ее ведь фактически признали пригодной для включения в мировую экономику лидеры великих держав, которые эту экономику и представляли.^{х)}

^{х)} Все перипетии поиска «другой экономики» наиболее адекватно изложены в книгах В.А.Медведева, который сам, будучи ученым-экономистом, к тому же находясь у власти (секретарь ЦК, член Политбюро, советник Президента), непосредственно принимал участие во многих экономических разработках и планах. См. его книги: «В команде Горбачева». Изд-во «Былина», М., 1994, гл. II и У. «Перед вызовами постиндустриализма.

Модель эта включала и аграрный сектор. Перед лицом распада деревни как социально-экономической ячейки государства, исчезновения крестьянства как производительной силы, в условиях краха колхозно-совхозной системы продовольственного обеспечения страны надо было и здесь срочно переходить к рыночным отношениям. Модель это предусматривала.^x

Если бы ей дали заработать, перестройку можно было бы, наверное, спасти, несмотря на обвал нефтедолларов. Страна справилась бы с главным вызовом на пути к XXI веку – экономическим. «Мы бы вылезли. Пока существовал Советский Союз, все трудности были преодолимы» (*М.Горбачев. «Россия в глобальной политике», N 5, сентябрь-октябрь 2009 г., стр.11*).

Какое отношение поиск «другой экономики» для СССР имеет к императивам XXI века? Самое прямое. Великая российская нация должна была занять одно из лидирующих мест в постконфронтационной всемирной истории. Но для этого она должна была, прежде всего, вписаться в мировую экономику. Для нее самой, для продолжения ее национального существования выбор был один: либо стать частью развитого мира, либо окончательно замкнуться и, в конце концов, потерять государственность.

Не успели... и известно, чем кончилось. Теперь России в очередной раз приходится решать ту же задачу – перед лицом той же опасности.

Политическая система отторгла попытку реорганизовать экономику, поскольку это ставило под угрозу идеологические догмы, сам сталинистский «социализм». Именно этим объяснялась острая конфликтность, скандальность и даже авантюризм в ходе поиска новой экономической модели для страны.

И пришлось заняться самой системой. Отсюда - «перестройка» уже как реформа всего общества, отказ от неэффективных и одиозных даже уже тогда методов управления и политических форм. Фактически это означало европеизацию системы, возвращение в исторически естественное для страны **цивилизационное русло**, в семью европейских наций, каковой она сама – российская нация – при всем своеобразии, была по происхождению и своей природе. Права умнейшая из наших политологов Лилия Шевцова: в истории не было случая успешной трансформации без влияния Запада, прямого или

Взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России». Изд-во «Альпина Паблицер», М., 2003. «Постперестроечная Россия. Проблемы и перспективы», части I и II, ИЭ РАН. Горбачев-Фонд. М., 1999. «Реформа 1987 года: муки родов и безвременная кончина». Доклад на круглом столе ИЭ РАН. М., 2009.

^x В перспективе же присутствовал и замысел о том, чтобы включить мощнейший аграрный ресурс нашей страны в решение планетарной продовольственной задачи, которую XX век поставил в повестку дня человечества.

косвенного. Горбачев это понимал с самого начала. «Особый путь», гипертрофированный ура-патриотами, - противоестествен для европейской нации, тупиковый для России. Перестройка открывала возможность стране, прежде всего – ее русской основе, реализовать свой европейский потенциал.^{x)}

Оставаясь великим, СССР, тем не менее, должен был сбросить с себя имперские вериги и отказаться от великодержавных амбиций. Переделать себя в многонационально-федеративное, демократическое государство – в контексте глобализации и интеграции на базе общечеловеческих ценностей. В этом качестве он стал бы важнейшим фактором прогресса и мира в XXI веке.^{x)}

Говоря об императивах будущего для нашей страны, не обойдешь проблему **пьянства**. Борьба с этим, можно сказать, «историческим» пороком была объявлена в самом начале перестройки, и задела людей едва ли не сильнее всего другого. Антиалкогольная кампания пошла нелепо, с перегибом, с вопиющими потерями, и обернулась, в конце концов, огромным ущербом для перестройки. Как всегда на Руси, в точности – по Черномырдину: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Но...

Помимо того, что она спасла много жизней (почти полтора миллиона!), сохранила много семей и даже привела к повышению рождаемости, резкому сокращению числа самоубийств(!), она направлена была на решение проблемы,

^{x)} Анджей Вайда от имени поляков сказал: «Наш патриотизм в принадлежности к Европе». Сказано в связи с опасностью неонацизма – как в Польше, так и в России, - которому, по словам Вайды, «важно не дать присвоить понятие патриотизма».

В России – чтобы соединить патриотизм с европейством – потребуется, наверно, целый **спокойный век**, о котором однажды публично помечтал президент Медведев.

^{x)} Позволю себе некоторое отступление. В получасовом ТВ-интервью Дм.Киселеву 27 марта Горбачев то ли оговорился, то ли с ходу не оценив значения того, что он произнес, сказал: «А мне до сих пор шлют письма с благодарностью за развал Советского Союза». Киселев «ухватился» - назовите, мол, хоть одно. Горбачев отказал ему. Но в этот «дискурс» встрял позже в «Независимой газете» (2.IV.2010) бывший жириновец, перекрестившийся в независимого интеллектуала, Ал.Митрофанов. Горбачев, пишет он, мог бы назвать меня. И перечисляет по пунктам «блага», «которые нам дал Горбачев», в рамках политики, которая привела к разрушению «этого Монстра» (СССР). Он, пишет Митрофанов, программировал нас на жизнь «как хотите», тогда как десятилетиями нас программировали то на войну, то на нескончаемую борьбу за что-то или против чего-то.

Так вот, возвращаясь к «оговорке» Горбачева, можно предположить, что спустя 20-25 лет, он допускает мысль о позитивных последствиях исчезновения «советской социалистической империи». В самом деле, легко представить себе благодарных не только прибалтов, но и казахов, узбеков, армян, чехов, венгров, болгар и т.д., «получивших» свои суверенные национальные государства. И пусть материально многие пока проиграли, но, безусловно, довольны в национально-духовном смысле.

А что касается русских, проигравших, как всегда, больше всех, то со своим имперским состоянием и «стоянием» им все равно пришлось бы расстаться, не дай Бог – в кровавой каше от Варшавы до Владивостока. Это процесс долгий. Он уходит в социальную психологию. Государственно-образующему народу – русским предстоит освободиться от самоидентификации как (пусть бывшей) имперской нации – в русле созидания новой российской цивилизации, если, конечно, общество, усталое, разочарованное, измотанное пыткой XX века, в состоянии будет поставить перед собой такую цель. Для этого потребуется, пожалуй, не менее двух поколений и невозможно без смены культурного кода – так, как это сделала советская власть, в кратчайший исторический срок создав культуру, хоть и связанную с ее великой предшественницей XIX века, но принципиально иную, адекватную совсем другому общественному строю...

обращенной в будущее. Она напрямую связана с качеством «человеческого капитала», с его эффективностью и креативностью, с культурностью людей и их способностью развиваться в русле главной тенденции новой эпохи - к обществу знания, разумного, трезвого использования ее фантастических возможностей.

Сколько насмешек, проклятий, осуждений, научно-обоснованных развенчаний и т.п. пережила горбачевская попытка образумить пропиваемую страну! Но альтернативы-то по сути никто не нашел. И спустя 20 лет нынешнее российское руководство вынуждено опять вернуться к борьбе с пьянством в общегосударственном масштабе. Опасность нравственного и физического вырождения нации надвинулась совсем близко.

Так что и в данном случае императив для страны был учтен перестройкой **правильно.**

Скажут: это сейчас можно, мол, реконструировать похоже стройную «логику» восхождения СССР в 80-х годах. Но – если разобраться без предубеждений и эмоций – перестройка объективно действительно содержала именно такую линию развития страны. И определенные политические действия (т.е. сознательно выбранные) «выруливали» ее именно на такой путь к XXI веку.

Азиатчина, которая глубоко сидела и в большевизме, и исконной российской традиции, подавила перестройку. И, конечно, сыграл свою роль самый главный просчет, не достойный мышления XXI века - попытка превратить КПСС в реформаторский авангард. Время и силы, потраченные на это провальное дело, дали КПСС возможность консолидироваться как главного противника перестройки. Она ее и загубила.

Проблема КПСС – кардинальная в перестройке. Ликвидация коммунистическо-партийного господства была действительно одним из главных императивов рубежа веков. Но советский исторический парадокс состоял в том, что без КПСС нельзя было начать перестройку, а не освободившись от нее, нельзя было ее успешно осуществить.

Проблема эта полна противоречий. Горбачев пришел, чтобы «улучшить» государство, рожденное Великой революцией, но превращенное Сталиным и брежневским неосталинизмом в тоталитарную систему.

Начать преобразования – в мирных условиях, при отсутствии «революционной ситуации», - можно только, опираясь на активную часть населения, участвующую во власти или сотрудничающую с нею. В СССР эта часть сосредоточена была **в партии.** Начиная с 1917 года, она – в лице своих «вождей» и органов всех рангов – была инициатором и организатором всех

перемен - «хороших», «плохих», всяких. Она и идеологически олицетворяла систему, т.е. определяла (и цензурировала) духовные и моральные нормы жизни.

Совершенно естественно, что Горбачев исходил из того, что и на этот раз КПСС будет лидером задуманных им перемен.

Он знал партию изнутри, сам – с ранних зрелых лет участвовал в ее механизмах, тем не менее, воспринимал ее, видимо, в «краткокурсно-идеализированном» виде. Недооценил степень ее институциональной и психологической бюрократизации, глубину ее перерождения в чиновничество, сущность которого давным давно вскрыл Маркс (*«К критике гегелевской философии права»*. М.-Э. Соч., т.1, особ. стр. 271-275). Эта чиновно-номенклатурная, т.е. сущностная природа **той части КПСС**, которая и была властью, сказала уже на первом этапе преобразований. Горбачев увидел, откуда исходит торможение и сопротивление, и на январском пленуме ЦК 1987 года поставил вопрос... «о кадрах» (пока еще не о партии как таковой). Есть, мол, в партии те, кто хочет и может вести перестройку, и есть безнадежные. Надо, следовательно, сделать так, чтобы первые оттеснили и даже вытеснили вторых. Но замена чуть ли не 2/3 функционеров ничего не дала. Новые и молодые быстро поглощались «системой», бюрократия продолжала «править бал». Энтузиасты же перестройки – в основном из интеллигентской среды – находились вне властных структур.

Стремление включить в дело перестройки «человеческий фактор», т.е. с помощью **гласности** наладить внесистемное давление на бюрократию, привело к тому, что быстро стал подрываться авторитет власти как таковой.

А номенклатура (т.е. фактически действующая партия власти), которую Горбачев решил на XIX партконференции «освободить» от государственного статута, поняв, что ее лишают самого смысла ее существования (и материальных привилегий), перешла в оппозицию, которая очень скоро превратилась в могильщика перестройки. И эту свою роль КПСС выполнила до конца, поддержав августовский путч и «благословив» Беловежский сговор.

Что – Горбачев «опоздал» вывести КПСС из игры? Может быть, и так. Но трагизм ситуации в том, что, попытайся он это сделать раньше (хотя бы отказавшись от поста Генсека и распустив Полтбюро), его самого бы «вывели из игры».

А когда он все-таки решился круто повернуть руль, превращая партийно-идеократическое государство в президентско-светское, способное встать в один ряд с родственными по ценностям нациями (что было и остается императивом XXI века), - оказалось уже поздно. Разбуженный «человеческий фактор» успел

отождествить Горбачева с номенклатурой, заваливавшей экономику. Активизированные «массы» отвернулись от перестройки и перешли на сторону разрушительных антикоммунистических сил. (Знаменателен брошенный Сахаровым публично упрек Горбачеву: «С кем Вы, Михаил Сергеевич, - с номенклатурой или с народом?»). Но увы, «народ», к которому апеллировал знаменитый академик, был представлен теми, кто умел критиковать, митинговать, возмущаться, но не заниматься государственными делами. Гласность позволила людям мыслить «категориями свободы», но ею надо было еще научиться пользоваться. Свобода в цивилизованном обществе предполагает наличие «правил» пользования ею. Правила же вырабатываются и осваиваются десятилетиями, а то и столетиями... Но революционно менявшейся России срочно нужна была эффективная власть – ведь страной надо было управлять, имея хоть какой-то навык этим заниматься. Кто это мог делать? Интеллигенция? Мало того, что она для этого была не приспособлена. Она, получившая возможность сыграть роль идейной движущей силы перестройки, стать, по слову Дмитрия Фурмана, ее «ударным отрядом», на самом крутом переходе нанесла удар в спину лидеру перестройки, на котором во властных верхах она только и держалась.^{x)}

Сопоспешествовав ликвидации последней российской (советской) империи, рожденная сама как имперское явление, русская интеллигенция спела свою лебединую песню. И исчезла как таковая, растворившись в чиновничестве при власти, в бизнесе и, особенно, в шоу-бизнесе и пропагандистских СМИ, в учительской и медицинской массе служащих.

Здесь тоже трагический аспект перестройки. Впрочем, такова, видно, закономерность великих революций (каковой, конечно, была и перестройка), Да, да. Настроенная на эволюционные перемены, перестройка, начало которой опоздало лет на 20, набрала – по историческим меркам – темп, свойственный обычно революциям. И как обычно в революциях добиться «баланса свободы и порядка» не удалось. Всегда не оказывается в достаточном количестве и

^{x)} Обсуждая судьбу перестройки, не раз вспоминают Чехова, который словами Фирса – камердинера, бывшего крепостного так объяснил «непорядок», случившийся после реформы 1861 года, - «все враздробь, не поймешь ничего».

Авторская ремарка: «...Звук лопнувшей струны, замирающий, печальный».

Любовь Андреевна (Раневская). «Что это?.. Неприятно это».

Фирс. «Перед несчастьем то же было»...

Гаев. «Перед каким несчастьем?»

Фирс. «Перед волей». (А.П.Чехов. ПСС. «Вишневый сад», т.ХІІІ, сс. 224 и 222).

Вот и спустя полтора столетия русский народ аналогичным образом «распорядился с перестроечной свободой».

Прав Горбачев, возражая Солженицыну, который считал, что перестройку загубила гласность. Без гласности никакая перестройка была бы невозможна. Но прав и Солженицын, знал, как в России могут воспользоваться свободой, которая по-русски называется «волей». «Не поняли, что такое свобода и как ею распорядиться» (М.Горбачев. «Россия в глобальной политике» N 5, сентябрь-октябрь 2009 г., стр. 12).

нужного качества «кадров», чтобы упорядочить неизбежно разрушительные последствия всякой настоящей революции. Верх взяла «свобода беспорядка».

Для нынешней России, **императив** разумного сочетания подлинной демократии и эффективного порядка по прошествии уже целого десятилетия XXI века, увы! тот же, что и в 80-х годах прошлого (хотя и с обратным знаком). Тогда шанс был упущен – как раз на переломе, когда началась глобальная смена эпох. И с тех пор – страна бултыхается в неопределенности, рискуя потерять навсегда право называться исторической нацией.

Как бы то ни было, прав один из видных политиков перестройки (Ал.Бессмертных): мировая история включит перестройку в ряд важнейших событий, страстной и честной борьбы за благополучие своей страны и своего народа. Пускай не всегда успешную, пусть с ошибками и провалами, но именно такой борьбе история придает всегда предпочтение и хранит о ней высокую память в своих анналах.

2. Императив ядерного оружия. Категория всемирная, касается всех, угрожает самому существованию цивилизации. И поэтому перемена на этом направлении привела к колоссальным последствиям и вовне, и внутри.

Горбачев с самого начала ею занялся и выступил с грандиозной неожиданной инициативой – ликвидировать оружие массового уничтожения к 2000 году, т.е. к началу XXI века. Его «изумившее планету» (Р.Браун) Заявление от 15 января 1986 года вызвало неоднозначную реакцию. Немногие поверили в искренность этой грандиозной «мечты» лидера ядерной сверхдержавы.

Однако, когда всю новую политику этой сверхдержавы он так или иначе связал с этой «мечтой», мир начал меняться. Прежде всего, потому, что она позволила взять курс на прекращение холодной войны.

Несмотря на сопротивление вовне и внутри он многого добился. Заключен договор о ликвидации целого класса ядерных ракет (РСМД – 1987 г.), прекращено многолетнее топтание на месте в переговорах по стратегическому ядерному оружию, подписан договор ОСВ-1 (1991 г.); началось сокращение ядерных арсеналов, – в том числе и в одностороннем порядке (по примеру Буша-старшего - сентябрь 1991 г.). Словом, угроза ядерной войны начала исчезать.

В определенных кругах принято считать, что международная роль СССР – производная от его силы, от его вооруженной мощи. Кто бы стал отрицать! Но нельзя забывать и о том, что этот фактор лишил международное сообщество **перспективы мира». Дальнейшее наращивание гонки вело к катастрофе.**

Угрозу ядерного столкновения сняло не «усиление силы», а политика «нового мышления», т.е., попросту говоря, здравого смысла.^{x)}

Снижение роли силы в мировой политике – вещь теперь очевидная, хотя и трудно реализуемая. Но альтернативы нет. И в этом тоже **императив XXI века**, который перестройка восприняла задолго до его наступления.

Что нет другого пути, подтвердили последующие события.

Исчезновение СССР спровоцировало рецидив. В результате проблема ядерного оружия и его распространения сдвинулась к уровню почти 25-летней давности. Многие для избавления от этой угрозы пришлось начинать заново. И наконец, 7 апреля 2010 года в Праге президенты России и США подписали новый договор об СНВ, по объемам сокращений сопоставимый с договором Горбачев-Буш, подписанным в 1991 году. Сделан очень значимый шаг в международном разоруженческом процессе, подтверждающий наличие в его главных пунктах воли добиваться, в конечном счете, мира, свободного от ядерного оружия. Идея ликвидации ядерного оружия, помимо прочего, - высоконравственная, лишаящая правителей права лишать народы права на жизнь.

Именно «новое мышление» Горбачева положило начало этому спасительному для человечества процессу. Именно перестройка поставила в повестку дня мировой политики проблему **всеобщей безопасности**.^{xx)} Таков **важнейший императив XXI века**.

В понимании Горбачева, безопасность – это такое состояние, когда обеспечением ее национальной составляющей не угрожает никому другому. Это принцип глобальной безопасности. И «открыт» он, подчеркивает Нобелевский лауреат Йозеф Ройблат, Горбачевым.

Никакому ответственному политику непозволительно игнорировать **опасности**, существующие всегда, а в современном мире – тем более. Актуальность правильной оценки перестройки, в частности, и в том, что ее лидеры продемонстрировали правильное понимание реальных опасностей своего времени.

На этот момент тоже обратили внимание, отмечая юбилей перестройки (В.А.Шейнис, особенно). Усиление взаимозависимости, взаимосвязанности в

^{x)} Проф. Арчи Браун (Oxford), выступая на конференции в Горбачев-Фонде 19 марта 2010 года, сказал: Нарастание силы и угроза ее применить при Рейгане, когда у власти в СССР были Брежнев, Андропов, Черненко и первое время Горбачев, не привели ни к каким изменениям ни в мировой политике... И лишь проявленная президентом США воля к диалогу с лидером противостоящей в холодной войне другой сверхдержавы, обнаруженное им стремление к миру без ядерного оружия позволили достичь кардинальных перемен в отношениях Запад-Восток, в мировой ситуации в целом.

^{xx)} Это зафиксировано документально во многих переговорных документах, опубликованных в книге «Отвечая на вызов времени», особенно – в итогах встречи на Мальте и на summit'e 31 июля 1991 года в Ново-Огарево, в Парижской Хартии для Европы...

мире, его целостности порождало или выявляло новые и старые противоречия в нем. Устранение одних, главных для времени перестройки опасностей, выталкивало на поверхность другие. В 90-е годы об этом подзабыли. «Расплата» пришла 11 сентября 2002 года в Нью-Йорке и со взрывом мирового экономического кризиса. Но это ведь наиболее мощное проявление, хотя и кумулятивное, новых противоречий в сжимающемся мире.

Теперь «понимание опасности» заметнее. Примером может служить совещание глав почти полусотни государств в Вашингтоне 12 апреля 2010 года по ядерной безопасности, по проблемам нераспространения, особенно, в аспекте международного терроризма. Прошло оно в атмосфере небывалого для таких форумов единодушия. Такие *summit*'ы решено проводить регулярно – с тем, чтобы каждое из государств-участников брало на себя совершенно конкретные обязательства, наиболее актуальные в данный момент.

Призрак «цивилизационного разлома» бродит по миру. Вроде стало уже ясно, что дело не только в разрыве между богатой (и сверх богатой) его частью и бедной, беднейшей. Он огромен и продолжает расширяться. Но дело глубже. Дело в несовместимости восприятия ценности и смысла жизни. Растущее число взрывников-смертников – ярчайшее тому свидетельство.

3. Императив отношений с Соединенными Штатами Америки.

В современном мире общепризнано значение отношений любой страны с США. Императив этот останется и для XXI века. Да, США претендуют на гегемонию и располагают для этого ресурсом, с которым всем еще долго придется считаться, несмотря на снижение авторитета США. Но «новое мышление» «увидело» возможность использовать американский гегемонистский потенциал также и в интересах международного сообщества. Отсюда курс на улучшение отношений, на взаимопонимание двух сверхдержав, рассчитанный на корректировку американских амбиций и appetitов. Прекращение конфронтации обещало переориентацию колоссальных ресурсов, поглощаемых ВПК, в том числе американских, на развитие всечеловеческого потенциала в новом веке. «Дружить» с Америкой, кстати, и для того, чтобы лишить ее «образа врага», от которого она претендовала защищать все человечество, – один из аспектов внешней политики перестройки.

И что-то получилось. Возникло небывалое за всю историю русско-советско-американских отношений **доверие** (даже с учетом того, что имело место во время Второй мировой войны). Оно стало главным инструментом всей тогдашней мировой политики. На последней встрече Горбачев-Буш в Ново-Огареве 31 июля 1991 года они обсуждали уже не только привычные для их

встреч проблемы, а и пути **к всеобщей, всемирной безопасности**, в основе которой – партнерство двух сверхдержав.

Тогда в решении мировых проблем (не только ядерных) было упущено много шансов. Тогда, как заметил профессор Федор Лукьянов по поводу 25-летия перестройки, «в руках у США и СССР были золотые карты», чего теперь ни у той, ни у другой страны нет.

Рухнул СССР. А в Вашингтоне не хватило интеллектуально-политических «мускулов» (термин Черчилля), чтобы сделать правильные выводы из прекращения конфронтации и продолжить начатую было новую мировую политику, необходимую для движения к «новому мировому порядку». Инстинкт гегемонизма взял верх над здравым смыслом. Процесс был прерван, не дойдя до логического конца.

Однако, несмотря на последовавшие откаты, регресс, недоразумения и взаимонепонимание, проблема отношений России с Соединенными Штатами (тем более, что они остались единственной сверхдержавой) вновь всплыла во всей своей значимости, напомнив о себе в качестве одного из важных императивов XXI века. И пришлось возвращаться к реанимации доверия в гораздо более сложных условиях. И пока, по состоянию на середину 2010 года, можно констатировать, что доверие постепенно налаживается.

Итак, подчеркнем: впервые проблему неконфронтационных отношений с США, как долговременную и принципиальную в мировой политике, выдвинула, причем – в правильном ракурсе, именно горбачевская перестройка. Можно даже позволить себе протянуть некую виртуальную линию от горбачевской политики к появлению на американской авансцене такого президента, как Барак Обама.

4. Императив Атлантизма. Он тоже реальность. Но мировой процесс нуждался в том, чтобы европейская составляющая в атлантической системе была сильнее и влиятельней. Это представлялось достижимым через углубление интеграции в Западной Европе и через ее новые отношения с нашей страной. Поэтому в СССР сняты были подозрительность и даже враждебность к укреплению Европейского сообщества (тогда ЕЭС, вскоре ставшего ЕС). Отсюда и огромная работа Горбачева по улучшению отношений с большинством стран Европы, в первую очередь – с ее главными фигурами. Отсюда и идея «Европы от Ванкувера до Владивостока», что означало расширение границ атлантизма, предполагающее органичное включение нашей страны в пространство западной культуры и цивилизации, опоясывающее

Северное Полушарие! Это ли не «перестроечный проект», достойный XXI столетия!

НАТО – силовой символ атлантизма – как жупел, как пугало вроде потускнел в России. С ним даже сотрудничают. Но связанная с НАТО инерция холодной войны продолжает действовать в политике и пропаганде – во вред реальным интересам России. Некоторые на Западе считают, что Россия «одной ногой уже стоит в Атлантическом альянсе» (Х.Тельчик, например). Встречное движение, заданное в свое время политикой Горбачева, тормозится главным образом Россией, страхами и предубеждениями, унаследованными от тоталитарно-великодержавной инерции холодной войны. Пока же можно сказать так: если нашей стране суждено созреть как полноценное демократическое государство, этот синдром наверняка благополучия скончается.

5. Императив самого места России в Европе XXI века. Горбачев исходил из того, что Европа и в новом веке останется цивилизационным центром мира. Так что и по этой причине желательно ее усиление. Но это можно и нужно делать через «возвращение» в Европу Советского Союза. Горбачев, как заметила одна умная женщина, создал эскиз общеевропейского дома и приступил к возведению его фундамента. Дело это трудное и долгое, а слава от его «сверкающего фасада», если дом будет все-таки воздвигнут, достанется другим (Габриеле Кроне-Шмальц). «Эскиз» рассчитан был на развитие «Хельсинки», на возрождение европейского диалога, отсюда – курс на Общеевропейское Сопровождение, которое и удалось провести в Париже в ноябре 1990 года и которое приняло Хартию, указывавшую Европе путь в XXI век. Отсюда и идея «Большой Европы». Эти инициативы встретили понимание и даже поддержку, пробудили аналогичные инициативы. Франсуа Миттеран, продолжая де Голля («Европа от Атлантики до Урала»), говорил о «европейской конфедерации», рассуждал о «несущей конструкции» общеевропейской безопасности в виде некоей «арки», которая одним концом опирается в Париж, другим – в Москву. Немцы, канцлер Гельмут Коль и вице-канцлер министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер связывали решение своей немецкой национальной задачи с развитием общеевропейского процесса. Горячо поддержали итальянцы и испанцы (Джулио Андреотти, Фелипе Гонсалес).

Общеевропейской идее служил и отказ от «доктрины Брежнева», высвобождение Восточной Европы от советских пут. По существу это был нокдаун всей Ялтинской системе, той интерпретации, какое давали ей Сталин и

его последователи в течение 40 лет, признавая в ней лишь то, что отвечало великодержавной позиции СССР. Названная именем Брежнева эта доктрина, тем не менее, такое название заслужила – разгромом Пражской весны.

Решающим шагом в ликвидации раскола Европы было, конечно, **воссоединение Германии**, в котором Горбачев сыграл едва ли не главную роль. Он выступил, по словам Г.-Д.Геншера, «провозвестником сближения наших народов», немцев и русских. «Особые отношения» между Германией и Россией, о которых не стесняются сейчас говорить на официальном уровне и в Берлине и в Москве, - это продолжение того, что начал Горбачев. Соответственно действуют и оба правительства, и бизнес, и общественные организации, институты культуры этих двух самых исторически значимых для Европы наций. Стратегическое партнерство Германии и России – фактор общеевропейского масштаба и безусловно представляет собой международный императив века.

Провозглашенный Горбачевым принцип «свободы выбора» рассчитан был также и на наполнение общеевропейского процесса своеобразием потенциалов каждого народа, предусматривал придание целостности европейскому фактору в глобализации. И все это – для XXI века, прорыв туда.

Увы: реализация этого принципа в СССР, на Балканах, в Восточной Европе привела к разделам и разборкам, а главное - к отторжению «инициатора». Причина опять же в том, что неправильно оценили возможности (и обязанности!) после прекращения холодной войны. «Потеряв» одну из сверхдержав, положившую начало переменам, не сумели договориться о новой мировой политике, основанной на общечеловеческих ценностях. Искусственно сдерживаемый долгое время национальный эгоизм хаотично вырвался на поверхность международных отношений.

После распада Советского Союза Европа изменила самой себе и взяла курс на отторжение России, которая в свою очередь, по своей вине лишилась возможности играть ту роль в Европе, какую предназначала ей перестройка. В результате Россия и Запад вновь стали «терять друг друга» (А.Пионтковский), чему немало способствовало возвышение РПЦ, превратившейся во влиятельный государственный по сути институт.

Позже прием новых членов в ЕС с Востока и Юго-Востока Европы вернул интеграционный процесс (как правильно заметил один исследователь) к парадигме XX века, отдававшей предпочтение сиюминутной выгоде каждого (Х.Фогель).

Только к концу первого 10-летия нового века, по истечении 20 лет после СССР, после ряда столкновений, конфликтов, взаимных обвинений, вспышек

грозной риторики и глупой пропаганды... появляются вроде побегии нормального взаимопонимания между Россией и остальной Европой, признания ими значимости **общевропейского императива**. Пойдут ли они в рост, зависит от обеих сторон. Во всяком случае, инициативы Горбачева, его идеи углубили понимание Европы как процесса – с только ей присущими особенностями постижения достоинств собственного единства.

Получают распространение оценки, согласно которым Европа – ЕС упустила свой шанс стать в XXI веке на уровень двух других главных «игроков в глобальной игре» - восходящего Китая и самой пока могущественной державы – Соединенных Штатов, несмотря на некоторую их «убыль» в роли гегемона. Лиссабонский протокол и расширение ЕС за счет восточных и юго-восточных новичков привело вроде не к консолидации ее потенциала, а наоборот – к его разбалансировке, к усилению фактора национальной идентификации, чему способствовала также массовая миграция из неевропейских стран.

Пусть так. А началось это с того, что Европа-ЕС – повторю -отвернулась от России после распада СССР. Однако для нашей страны все равно нет альтернативы. В глобальном процессе она сможет занять приличное место лишь как органическая часть Европы. Если цивилизаторской модернизации в России суждено состояться, то – только через Европу, только в общевропейском контексте, в «слиянии» с Европой.

Поэтому «паки и паки»: горбачевский выбор императива XXI века **был правильный** и в этом направлении. Хотя процесс «взаимного обучения» Востока и Запада будет не скорый. Знаменитая формула Эгона Бора: «Изменение путем сближения» не потеряла своего смысла и имеет также и обратное значение.

6. Мусульманский вызов XXI веку.

Горбачев начал вводить «новое мышление» в свою политику, когда уже были произнесены слова - «столкновение цивилизаций». Но тогда не было еще 11 сентября в Нью-Йорке, «Аль-Кайда» еще не разгулялась так, как потом, еще не мерцала проблема кибернетической безопасности, талибы начали свирепствовать попозже и миграция еще «не достала» Запад в той мере, как сейчас... Хотя давно и опасно тлел, а то и «пылал» войнами Ближний Восток, где 200-миллионная квазиарабская «нация» жаждала ликвидации Израиля, а арафатовская ООП не только не стеснялась своего террористического обличья, но и действовала соответственно.

Вот с этим-то и пришлось иметь дело Горбачеву, разбираясь с мусульманским вызовом. Он посмотрел на эту проблему, по сути, с перспективы XXI века, вывел ближневосточный конфликт из категории «национально-освободительного движения» и включил его в контекст прекращения холодной войны, в рамки новых отношений СССР с Соединенными Штатами и Западом вообще. Идея международной конференции по Ближнему Востоку выдвинута была в самом начале перестройки. Горбачев упорно ее продвигал и добился проведения (в Мадриде на склоне своей власти). Она не урегулировала конфликт, но положила начало переговорному процессу, который худо-бедно продолжается, и альтернативы ему нет. Он остается императивом и XXI века. Ближне-средневосточный узел был (и остается) главным раздражителем в отношениях между Западом и мусульманской частью мира.

В этом контексте **проблема Израиля**. Не формулируя публично, Горбачев исходил из того, что Израиль – не только как национальное государство, но и как хранитель еврейского начала в мировой цивилизации – не устраним. Попытки его стереть с лица Земли – безумны и безнадежны. Соответственно Горбачев и держал себя с лидерами стран Ближнего Востока (хотя из «политкорректности» и по некоторым экономическим соображениям мирился с их гонором, нейтрализуя при этом агрессивность).

Он открыл ворота для добровольной эмиграции советских евреев и, восстановив дипломатические связи с Израилем, проложил путь к качественно новым отношениям с этой страной. Словом, действовал цивилизованно, по критериям, приличествующим XXI веку... И вот мы узнаём: 15 февраля 2010 года, т.е. 20 лет спустя после перестройки, что президент Российской Федерации Дмитрий Медведев на встрече в Москве с премьером Израиля Биньямином Нетаньяху заявляет: «Израиль для нас не какой-то обычный партнер, а государство, с которым нас связывают и многолетние отношения, и особая природа, структура и состав населения». Путь к такому признанию в России (!) был долог, столетний, но оно было бы и сейчас невозможно, если бы не политика перестройки, ориентированная на будущее.

Большинство мусульманских государств de-facto примирилось с горбачевским подходом. Более того, произошло казавшееся ранее совсем немислимое сближение с богатейшими арабскими эмиратами и королевствами (правда, тут очень «помог» Саддам Хусейн!), которых до того у нас третируют как безнадежно реакционные и враждебные.

Благодаря перестройке, деидеологизировавшей внешнюю политику, удалось наладить доброжелательные, а то и похожие на дружественные

отношения с влиятельными и самыми населенными государствами мусульманского мира – такими, как Египет, Индонезия, Иран, Турция. С аятоллой Хомейни Горбачев готов был даже вступить в «мировоззренческий диалог». Поддержал он и идею турецкого президента Отара о создании Черноморского «общего рынка».

Словом, Горбачев дал пример того, как подобает вести себя европейцам, чтобы не допустить «цивилизационного разлома», столкновения цивилизаций. И, наверно, можно провести некую подспудную линию между действиями Горбачева и каирской речью американского президента Обамы.

7. Китай. Вражда с ним противоречила интересам и нашей страны, и всего мира. Феномен мощного возвышения Китая возникал как одно из крупнейших явлений грядущего века. Перестройка сделала возможной нормализацию с таким Китаем. И отнюдь не по-американски: маоистскую КНР «открыли» для США Киссинджер и Никсон. Но, судя по опубликованной теперь стенограмме их встречи с Мао в 1975 году, «признание» Китая представлялось в геополитическом русле, в основном с антисоветским (антироссийским) подтекстом. Возвышение Китая рассматривалось как угроза (что, кстати, зафиксировано во всех официальных военно-политических документах США 90-х и нулевых годов).

Для Горбачева, если и был «китайский вызов», то цивилизационный, как результат объективного движения новейшей истории. И политика перестройки направлена была здесь не на то, чтобы «сдерживать и препятствовать». Дело безнадежное.

Горбачев исходил из понимания того, что кто бы и как бы ни хотел «приручить» Китай и «использовать» его в своих целях, ничего не получится. Горбачевская нормализация означала: к новому Китаю, к его возрастающей роли в мировой экономике и политике надо приспособляться, продвигать свои интересы в рамках правильно оцененных собственных возможностей и с учетом расстановки «фигур» на глобальной «шахматной доске». Таков императив века. И Российской Федерации пришлось исходить именно из этого.

Что касается отношений КНР-США – проблемы международного значения, - то, согласно Федору Лукьянову, у Соединенных Штатов две модели отношений с несоюзными для них странами: вовлечение либо сдерживание. Вовлечение исключено. Но превращение Китая в сверхдержаву для США неприемлемо. По сложившейся исторически психологии американской нации любая другая сверхдержава – угроза для «национальной безопасности» **по определению**. В США даже при Обаме эта «аксиома» не подлежит

обсуждению. Она и национальная безопасность – близнецы-братья. Позиция США по отношению к СССР в холодной войне – тому ярчайшее доказательство.

Эксперты-китаисты, международники, политологи гадают, чем может обернуться превращение Китая в сверхдержаву XXI века. Высказываются и опасения, что, если КНР заявит претензию на мировую гегемонию, дело может дойти до катастрофического столкновения с Соединенными Штатами.

В эту конфликтную ситуацию ворвался в 2008 году небывалый, глобальный, экономический кризис, с признаками системного. Плюс планетарная борьба за ресурсы, которая разгорится угрожающим темпом. Плюс миграция нового типа, исламизация Европы, непримиримость джихада. Словом, «дух Хантингтона».

Все это вместе таит в себе вселенский взрыв подстать ядерному – увы! - даже в буквальном смысле.

Выход – в поиске нового мирового порядка, но для этого необходимо как раз **новое «новое мышление»**. То есть не буквальное повторение, а в принципе – как интеллектуальный прорыв, по масштабу и мощи сопоставимый с тем, какой продемонстрировал Горбачев для выхода из холодной войны, приближавшей планетарную катастрофу.

8. Индия. Для Горбачева она с самого начала была великая держава, которая именно в этом качестве сдвигалась в XXI век. Отсюда соответствующие действия: дружба с Радживом Ганди, Делийская декларация, в которой Индия на равных выступает носителем общечеловеческих ценностей для мировой политики. При этом учитывалась и укорененная в индийской философии политическая культура, дефицит которой стал столь ощутимым на мировой сцене в XX веке.

В дальнейшем – по внутренним причинам в СССР – отношения его с Индией стали глохнуть. Но то, что заложено было тогда – при Горбачеве – Ганди – не умерло. Спустя 20 лет обогащенный тогда импульс взаимного притяжения обнаружил себя вновь – в частности и в особенности во время визита Путина в Индию в марте 2010 года. Если сопоставить, что говорили друг другу руководители двух стран тогда и сейчас, то бросаются в глаза совпадения – по тональности и по настрою, по обещаниям и договоренностям. Произошла реанимация близости на тех же основаниях, которые привели к дружбе Горбачева с Радживом. Символична и встреча российского премьера с Соней Ганди – не только как с актуальным и влиятельным политическим деятелем Индии, но – в человеческом плане. Эта замечательная женщина –

хранительница давней и своеобразной взаимной доброжелательности двух наций.

«Открытие» Горбачевым Индии, как великой державы будущего, означало, что и этот, «индийский» императив был правильно понят и «схвачен» нашей перестройкой.

Азиатско-Тихоокеанский императив планеты всей. АТР-XXI.

Проблемы собственного Дальнего Востока и Сибири в самом начале перестройки побудили обратить внимание на АТР. Отсюда – подключение к этому «сдвигу» при сохранении главной для своей страны ориентации – европейской. В этом смысл и значение «программных» речей Горбачева во Владивостоке и в Красноярске, «приглашавших» страны АТР к равноправному диалогу. Этому же служили знаменательные контакты на высшем уровне с Индонезией, Австралией, Японией, а также новая политика в отношении Южной Кореи и Вьетнама – высвобождение его из иждивенческих пут...

Прорыв в АТР произошел. И РФ вынуждена им воспользоваться.

106 Латинская Америка. Она для перестраивавшего СССР – не подбрюшье Соединенных Штатов, она в грядущем веке – равная величина «историческим» державам, всемирно значимое межнациональное образование. Мало что успел Горбачев на этом направлении. Но взгляд его туда, на латинскую часть Западного Полушария был именно такой. Судя по некоторым признакам последних лет, российская политика руководствуется таким же подходом, правда, пока с плюсом в экспорт оружия и импорт «дружбы» оставшихся там еще диктаторских правителей.

11. Экологический императив. Перестройка с ним столкнулась в Чернобыле. Он стал самым убедительным доказательством того, что перед перспективой гибели среды обитания наша почти вековая изоляция рушится, что мы не можем уже себя вести по правилу: делаем, что хотим, а на остальных наплевать! Нам пришлось открыться быстрее, чем собирались.

Однако, меры по обеспечению безопасности атомной энергетики после катастрофы в Чернобыле, а также гласность по всем другим азимутам, с небывалой силой поставили вопрос о защите природы не только от АЭС, а и от отходов металлургии, химии, других производств, от автомобилизации и дикости лесоразработок, от отравления полей, рек, озер удобрениями и губительными сбросами. Увидели уродливые последствия строительства гигантских ГЭС... Плюс проблемы бытового мусора, свалок, и т.д. Оказалось,

что в некоторых городах ситуация опасна не только для здоровья, но и для самой жизни. Выплеснулись протестные волны.

Пришлось закрывать наиболее грязные предприятия, заставляя тратиться на очистные сооружения. Это приводило к сбоям в производстве, срывало план, сокращались рабочие места, а значит – вызывало массовое недовольство другого рода. Сочетать одно с другим – охрану природы и производство необходимых продуктов – перестройке оказалось не по средствам. Их не хватало на самое первоочередное и неотложное.

Во всем этом мы тоже становились в ряд со всем миром. В некоторых отношениях обнаружили себя даже в худшем положении, чем многие.

Впоследствии, уже уйдя от власти, Горбачев возглавил международную экологическую организацию - «Зеленый крест». Это подчеркнуло, какое значение он придавал этому вызову, кричащей необходимости совместно спасти природу.

Уроки из Чернобыльской катастрофы, явившейся результатом пренебрежения к тому, чем может стать власть человека над природой, - тоже относится к освоению перестройкой императивов XXI века.

Обобщенно говоря – самый важный вклад в понимание и признание императивов XXI века внесло горбачевское **«новое мышление»**.

Как явление конкретно историческое, оно естественно, содержало черты, связанные с текущими проблемами, с актуальными задачами своей страны, с тогдашней ситуацией в мире. Провозглашенное в концентрированном виде Горбачевым в Организации Объединенных Наций (8 декабря 1988 года) оно несло в себе общечеловеческое содержание. И представляет собой непреходящую ценность для выживания и развития цивилизации. Символично, что самым значительным его достижимым было прекращение холодной войны, - высвобождение человечества от повсеместного и гнетущего **страха**, уродующего нормальное движение жизни.

По прошествии первого десятилетия нового века философско-политическую концепцию нового мышления можно свести к нескольким основным понятиям (категориям, принципам, идеям, нормам, как угодно). Разумеется, с учетом того, как они отложились в инерции, заданной политикой Горбачева, и в реагировании на нее во внешнем мире.

Согласно «новому мышлению» для XXI века нужны:

- подлинно мировая политика, адекватная неумолимо нарастающей взаимосвязанности и взаимозависимости всех составных частей международного сообщества;
- демилитаризация и деидеологизация межгосударственных отношений;

- ликвидация ядерного оружия и всех других видов массового уничтожения;

- разоружение для развития;

- свобода выбора. Вмешательство во внутренние дела, в региональные конфликты - только и исключительно с санкции авторитетных международных органов. Не исключается (в международно- оговорных случаях) и применение силы. Сама возможность ее применения, «страх» перед ней, пока еще (увы!) необходимы для безопасности – общей и в отношениях между государствами различного цивилизационного уровня;

- диалог как главный инструмент дипломатии, как способ выработки **доверия** в преодолении противоречий и в решении общих вопросов через баланс интересов, в поиске сообща системы всеобщей безопасности;

- максимальная свобода перемещения людей через границы, регулируемая по правовым, но гуманным нормам;

- общая экологическая политика. Природа – первостепеннейший объект всемирного сотрудничества;

- «политика, лишенная морали и совести, безнравственна» (Горбачев).

«Новое мышление» предлагало (и содержало в себе) иную **культуру** международной жизни, нравственно и политически обоснованную страшным опытом XX столетия. Это гуманистическая культура доверия к людям и между их государствами – в противовес силовой доминанте, господствовавшей тысячелетия. «Новое мышление» - это новые **ценности** существования человеческого сообщества. Одна среди них состоит в том, что ликвидация ядерного оружия и вообще разоружение – проблема также и нравственная, многопланово связанная с правами человека.

В ином, конечно, облики идеи и принципы «нового мышления» (а можно даже сказать, его дух, который уже неустраним из общественного сознания) так или иначе присутствуют в поведении многих стран, в том числе Российской Федерации. Значит, тогда, четверть века назад, «новое мышление» и как «философия», и как образ действий было правильным выбором. Это подтверждается и тем, что исподволь и открыто оно находит все большее признание в политических и общественных кругах, озабоченных судьбами человечества.

«Новое мышление» поставило вопрос о необходимости (и неизбежности) перестройки во всем международном сообществе. Горбачев неоднократно, публично и в беседах на высшем уровне говорил: Вам, Западу, тоже надо и придется перестраиваться». Глобальный кризис, разразившийся в конце

первого десятилетия нового века, перевел эту задачу в актуальную повестку дня.

Идея **всемирной перестройки** слилась с именем крупнейшего исторического деятеля конца XX столетия.^{х)} Даже и когда обезличенная она проникает в общественно-политическую жизнь. Об этом говорит, в частности, Давосский форум 2010 года. Проблема безопасности на этот раз рассматривалась уже в ракурсе «спасения мира» через переосмысление вызовов XXI века, таких, как оскудение пресной воды, судьба Океана, энергетика, кибербезопасность, связь безопасности государства с развитием общества и т.п. Общим было понимание, что «возвращаться к прежней модели мира опасно» (см.Л.Шевцова, с Форума, НГ.29.1.10).

И тут важно «не опоздать», как это случилось после окончания холодной войны. Дело еще в том, что на фоне возвышения Китая, Индии, заявленных претензий ряда других крупных государств, а также в связи с путинской внешней политикой... вновь замаячила тема многополярности мира. Она многоплановая. Ясно, что национальные государства переживут и XXI век, несмотря на разного рода интеграционные процессы и институты. Если под многополярностью понимать множество (и умножение) точек, влияющих на общий ход мирового процесса, то это одно. Это естественно и преодолимо. И задача состоит в том, чтобы учиться взаимодействию и сотрудничеству этих «точек» в своих и общих интересах. Если же под многополярностью понимается образование нескольких сверхдержав, то неизвестно, что хуже – как сейчас - при моносверхдержаве (США), или - в силовом поле нескольких мощных величин, когда мир будет зависеть от «благоразумия» многих и разных при неизбежно также и силовом соперничестве между ними. Пожалуй, второй вариант опаснее, он чреват расколом международного сообщества «на сферы влияния», с тяготением множества «точек» к разным и, скорее, противоположным полюсам.

В любом случае востребованность «нового мышления» возрастет. «Glasnost and Perestroika в XXI веке – задача для всех нас» (Р.Браун).

Эпилог

25-летие перестройки СМИ отметили не на уровне события. Тем не менее...

^{х)} Приходит на ум аналогия на тему о том, что России свойственно вбрасывать в мир грандиозные идеи: то Третий Рим, то вселенское духовное единство (Достоевский), то коммунистическое будущее для всего человечества, то теперь глобальная перестройка в движении к миру без бедности, притеснений и войн.

В Горбачев-Фонде прошел «круглый стол», конференция с участием иностранцев, состоялись разные другие встречи. Высказано много мыслей, свидетельствующих о том, что осмысление перестройки продолжается.

О демократии. Перестройка – один из циклов, одна из самых грандиозных после 1917 года попыток демократической трансформации – уже в сверхдержаве. Неудачная. Как и в 1917 году, так и в 91-ом, привела к распаду государства. Медведевская модернизация, возможно, будет еще одной попыткой в циклическом процессе. Если и она не удастся, будем, мол, ждать следующей.

Теория циклов заслуживает внимания как инструмент описания того, что произошло и почему так закрылось. Но каждый цикл нуждается в обосновании – идее: для чего, во имя чего?

У Горбачева идея демократии и свободы несла в себе вполне конкретное содержание – хотя и в основном «негативного» характера^{х)} – отрицание того, что было и с чем уже невозможно было мириться, желая стране добра и прогресса. После Ельцина, для этой идеи требовалось другое содержание, прежний режим дискредитировал. Но этого иного содержания нет. Нет и эффективной политики.

В связи с 25-летием Перестройки, которая пришлась на время модернизационных инициатив Президента Медведева, в дебаты о перестройке внесена была идея о том, что и она была определенным модернизационным проектом. Здесь, однако, упускается из виду очень важное обстоятельство. Горбачев хотел включить страну в общее цивилизационное русло (по сути европейское). А цивилизация и модернизация – это разные вещи. Модернизация может осуществляться и á la Петр I, и по-сталински, и по-пиночевски, и т.п. Перестройка же по Горбачеву содержала в себе – по идее, по замыслу, по методам политических действий – мощный гуманитарный компонент, демократический в самом глубоком его смысле, нравственное возрождение. Это – неотъемлемая часть самой ее сути и предназначения. Внесение нравственности в политику, положить конец разделению политики и общечеловеческих норм морали – таков тоже «message» перестройки XXI века.

Предусматривала ли Перестройка движение вдогонку по проложенной Западом лыжне (метафора акад. Сахарова)? Не совсем так. Скорее – двигаться параллельно, оглядываясь на пройденный другими путь, учитывая

^{х)} По части институтоализаций демократии новой, конечно, была идея Съезда Народных депутатов. «Возрождение» Советов, федерализма, плюрализм, многопартийность, альтернативные выборы, разделение властей, ответственное правительство... - это **по форме** скорее «отрицание отрицания», хотя по существу имело огромное значение.

наработанные там приемы и набираясь умения менять, когда нужно, скорости. Отнюдь не опять «догнать и перегнать», а участвовать в общем соревновании, создавая совместно ситуацию (и атмосферу) честного соревнования, взаимодействия, баланса разных возможностей и интересов.

Обсуждалась в связи с 25-летием «цена перестройки» (в историческом смысле). Эту проблему следует очень «диверсифицировать». Цена может быть большей или меньшей количественно, - в материальном, духовном, культурном смысле. И для разных людей, социальных слоев, профессий она также разная во всех названных смыслах. Отсюда и разногласия, которая будет продолжаться, может, еще в течение двух поколений, начиная с сегодняшних младенцев. Собрать все воедино и дать оценку - «хорошо», «плохо» невозможно. Так что обращаться за ответом надо **к суду истории**.

Чтобы не остановиться и, упершись, не опрокинуться в пропасть (национально - в кровавые разборки, всемирно - в ядерном катаклизме), история к концу XX столетия сделала неизбежной нашу русско-советскую перестройку.

Чем и кто должен был заплатить за эту «неотвратимость» - вопрос оценочно не разрешим - не только по величине «цены», но и в выяснении, могла бы она быть какой-то иной по своему составу. Это тема для догадок, домыслов нагружена индивидуальными предпочтениями и фантазиями, зависит от особенностей и уровня мышления, от степени культурности. Тут мы имеем дело с историческим сознанием, которое в глубоко атомизируемом обществе рассыпается в неопределенности.

Вот, к примеру, - Юрий Поляков, известный писатель. Он заявляет, откликаясь на 25-летие перестройки, что готов был еще 25 лет ждать публикации своих произведений, но не заплатить развалом СССР за право их своевременно издать. Иначе говоря, он видит ущерб для себя в потере объекта своих сатирических и юмористических разоблачений советских нравов и порядков, на чем он талантливо поднаторел.

Другой, попроще, мог бы сказать: я готов был бы еще 20-30-50 лет оставаться без колбасы за два с полтиной, лишь бы сохранился СССР. Таких подходов к цене перестройки миллионы.

Перестройка дала возможность Большой истории идти дальше. Поэтому – даже с учетом того, что Бог подарил ей под конец Ельцина и его путинское продолжение, а остальному миру тоже преподнес ворох проблем, - цена, которую заплатило человечество за перестройку, не столь уж велика. Особенно, если принять во внимание вполне реальную возможность превращения

холодной войны в ядерную – с многомиллионными жертвами и чудовищными разрушениями.

А что касается **качества** последовавшей истории, то ведь оно проявляется не сразу. Все эти темы желательно брать не только и не столько даже в постановке плана. А в плане рекомендаций для практических действий.

А к концу года надо бы составить обобщающий доклад по тому, что удастся за это время сделать. Его мы разослали бы по нужным адресам и дали бы в печать.

Сложная и тревожная ситуация постоянно опровергает поверхностные оценки и прогнозы. И нас, конечно, будет сталкивать с необходимостью выбора в условиях большой неопределенности, очень быстрого мелькания событий. И буквально каждый день мы ощущаем дефицит новых, практически осуществимых идей. То есть среди прочих кризисов мы имеем дело с кризисом идей. Форум создается, чтобы участвовать в преодолении и этого аспекта глобального кризиса.

Согласно конфуцианцу Чжоу Эньлаю, китайскому премьеру при Мао, даже в 70-х гг. XX века не наступило еще время для окончательной оценки Великой французской революции. То же можно сказать сейчас о великой Октябрьской. Стереть ее из будущего все равно не удастся. Она тоже дала Большой истории «выход вперед», к сожалению, на 1/6-ой части планеты надолго безальтернативный. А спровоцированное ею побоище – связано с уровнем цивилизованности всего тогдашнего рода людского. И в появлении Сталина, как и Гитлера, виноваты не только Россия и Германия.

Что самое важное, может быть, важнейшее в том, что оставила нам перестройка = эта революция, сопоставимая с Октябрем 17-го по всеохватности вселенского перелома? Она предложила видение мира после холодной войны. Мира без войн. Без насилия. Мира, построенного на диалоге. Видение мира, где свободные люди способны услышать друг друга и понимать свободную мысль. Где они идут навстречу друг другу. И не позволят делить мир на два или сколько там цветов, а будут воспринимать его как единый род людской, который, в конце концов, научится жить одной семьей по естественным законам нравственности и общепринятым правилам.

Увы! После исчезновения Советского Союза и насильственного обрыва перестройки такое видение будущего оказалось без своего глашатая (В.Кувалдин).

К оценке перестройки будут возвращаться еще десятилетиями, если не столетиями. Сейчас она явно недооценена, потребуется еще время. Но она, несомненно, получит правильную, достойную оценку у будущих поколений.

Потому что хотя и краткосрочная по числу лет, по концентрации и сочетанию надежд и разочарований, ломки и оптимизма, она по своим последствиям выходит за пределы времени не только в России, а во всем мире. Она останется как одно из ярких и важнейших этапов в мировом развитии, для XX века - тем более. Это был своего рода Ренессанс в мрачном и страшном столетии». (Александр Бессмертных)

Современный мир на переломе и он нуждается в ценностях, заложенных в «новом мышлении». Оно спасло человечество в конце XX века.

Интеллектуальный вызов, брошенный миру с трибуны ООН в конце 1988 года, - по смелости, новизне, по масштабу самой идеи – пример того, как надо действовать в обстоятельствах, когда на кон поставлена судьба цивилизации.